

Несколько даосов, едва заведя у главного сотника Лу грозное выражение лица, тут же внутренне сжались.

И невдомёк им было, что всё это делалось по личной указке Ю Цуна.

Перед тем как Лу Бин отправился на дело, Ю Цун окликнул его:

— А-Фан, сделай лицо суровее.

Лу Бин хоть и растерялся на мгновение, но быстро переменялся в лице и посмотрел на императора, который как раз прятал книги и шпаргалки.

— Я не про то, чтобы ты был просто серьёзным, нужно выглядеть свирепее, — Ю Цун взмахнул рукой. — Жажда убийства — понимаешь, что такое жажда убийства?

Лу Бин мысленно вздохнул, но всё же в точности исполнил приказ, приняв такой вид, с каким обычно ходит при описи и конфискации имущества.

— Вот так, — Ю Цун остался доволен и махнул рукой. — Хватайте только главарей, да побыстрее возвращайтесь.

Несколько даосов вошли во Дворец Небесной Чистоты и на редкость быстро усмирили свой обычный напыщенный вид заправских шарлатанов, со страхом и трепетом совершая положенные поклоны и приветствия.

Ю Цун мрачно сидел на месте и долго хранил молчание.

Он уже заранее расспросил Лу Бина, и оказалось, что в нынешнем дворце наибольшей милостью пользуется не кто иной, как Шао Юаньцзе.

Его ученик Тао Чжунвэнь повсюду следовал за ним, являясь одной из его главных и надёжных опор.

Эту бароновщину и напыщенных старцев, может, и удавалось водить за нос Чжу Хоуцуну, но только не его.

Знают они, что такое кислотно-основные индикаторы? Знают причины появления молний и дождей? Знают законы физики?

Будучи правоверным членом Комсомола, хоть ему и не довелось официально вступить в партию, Ю Цун твёрдно верил в науку.

Если только кто-нибудь не сможет даровать ему бессмертие или организовать встречу с покойным дедушкой, об остальном и речи быть не могло.

Впрочем, сама суть его переселения в другой мир тоже казалась делом довольно туманным.

— Истинный Человек Чжии, у Нас в последнее время памятью стало слабовато, не соблаговолишь ли снова назвать свою обитель, чтобы Мы послушали?

Старый даос в серо-синих одеждах погладил бороду и звонко произнёс:

— Ваш покорный слуга — даос школы Чжэнъи из монастыря Дагуань во дворце Шанцин на горе Лунхушань.

Ю Цун приподнял брови и невозмутимо произнёс:

— Стало быть, даос происходит из славной школы и обладает глубокими познаниями по части духовного ранга?

— Именно так.

— Утрудись же, наставник, разъяснить Нам, каков же глубокий смысл четвёртой главы трактата Чунсюй чжэньцзин?

Старый даос остолбенел и в тот же миг растерялся так, что двух слов связать не смог.

Он-то изначально полагал, что император чем-то недомогает, а потому вызвал его, чтобы испросить пилюль и лекарств. С какой стати этот вдруг с порога начал экзаменовать по канонам?

— Это... э-э... — заикаясь, затянул он. — Не позволите ли вашему покорному слуге немного подготовиться?

— Раз уж на постижение тайных смыслов требуется время, быть может, наставник процитирует Нам две-три главы наизусть? — с улыбкой предложил Ю Цун.

Теперь он наконец-то сполна прочувствовал то злорадное внутреннее удовлетворение, какое испытывает классный руководитель при внезапной проверке знания наизусть.

— Старый слуга в последнее время был всецело поглощен созданием пилюль и не успевал вникать в учение о Пути, — Шао Юаньцзе поспешно стал искать себе оправдание, пытаясь переключить внимание императора. — Что касательно пилюль Цзюсяо юньлу вань...

— Пилюль? — Ю Цун протянул это слово, словно ему о чём-то напомнили, и неторопливо продолжил: — Выходит, господин Тао в последнее время только тем и занимался, что стряпал пилюли вместе с остальными?

— Верно, верно... — Шао Юаньцзе закивал с такой спешкой, что со лба у него уже начал выступать пот, а в груди почему-то зародилось смутное и нарастающее беспокойство.

— Все эти пилюли ведь людям в животы пойдут, — улыбаясь, проговорил Ю Цун. — Желаете заниматься алхимией и постигать Дао — изволь хотя бы помнить наизусть Жэньди нэйцзин!

— Наставник Шао происходит из прославленной школы, пользуется щедрым жалованьем от самого престола да еще и обладает столь высоким саном, неужто он не в силах воспроизвести по памяти даже самую элементарную книгу по алхимии?

Как только император произнёс эти слова, все присутствовавшие даосы лишились дар речи.

Привыкнув к щедрым чинам и казенному содержанию, они жили во дворце припеваючи, точно золотые птички в клетке. С какой стати им было день и ночь зубрить каноны и искренне предаваться учению?

В лучшем случае они собирались вместе лишь затем, чтобы поразмыслить, каким бы ещё цветастым трюком запудрить мозги императору и сорвать побольше щедрых наград.

— Раз уж наставник Шао не может сходу вспомнить, боюсь, дело тут в преклонных годах, — прищурившись и улыбнувшись, мягко произнёс Ю Цун. — А как насчет остальных?

Лицо Тао Чжунвэня побелело, и он тут же рухнул на колени.

Он с детства рос на торговых базарных площадях и слишком хорошо понимал, что именно кроется за словами императора.

Даже если бы он нынче смог выпалить наизусть все трактаты от корки до корки, император всё равно бы их просто так не отпустил.

— Ничтожный глуп и ничего не смыслит, готов во всём следовать повелению Вашего Величества!

Пока Тао Чжунвэнь всё еще пребывал в растерянности, его ученик шлепнулся на колени первым. Старый же даос, прокрутив в голове с десяток вариантов, наконец догадался, в чём кроется подвох.

Прежде император относился к ним как к лекарям: пока снадобья доставлялись по первому требованию, жизнь их текла беззаботно и сытно, и даже если лекарства не помогали, им всё равно удавалось благополучно выйти сухими из воды.

Но вот уже целый месяц император даже носа не казал в их лекарственную хижину — очевидно, у него на уме вновь появились какие-то новые задумки!

Окинув взглядом выстроившуюся на коленях вереницу даосов, Ю Цун с чувством полного удовлетворения прихлебнул чаю и заговорил снова:

— Будь то пустая показуха или подлинное алхимическое искусство — вы и сами прекрасно всё понимаете.

Он медленно поднялся на ноги и, заложив руки за спину, неспешно обошел вокруг Шао Юаньцзе:

— Впрочем, у Нас нет намерения чинить вам препятствия, и в будущем Наша милость к вам, пожалуй, даже возрастет.

Правитель чуть тронул губы усмешкой и неторопливо вымолвил:

— В конце концов... польза от алхимических пилюль далеко не так страшна, как людская молва.

Прошло совсем немного времени, как по всему дворцу поползли слухи.

Слухи эти поначалу просочились от дежурившего в Директории по астрономии маленького евнуха. Сперва о них ведали лишь несколько высших сановников, но вскоре — от задних покоев дворца до внешнего двора, а затем и до всех знатных сановных семей Западного города — об этом узнали абсолютно все.

Сам глубокоуважаемый наставник Шао Юаньцзе, оказывается, по результатам гадания определил, что император обладает судьбой звезды Цзывэй. Мало того, что он — истинный избранник небес, ему суждено добиться великой гегемонии и возродить Великую Мин.

Однако звезда Цзывэй — звезда одинокая, и возле нее могут терпеть лишь четыре спутницы, сияющие отраженным светом. Если же кто-то еще попытается приблизиться чересчур близко, то непременно пострадает от зловещей энергии и скончается в расцвете лет.

Всякий, кто хоть немного разбирался в делах императорского дома, мог догадаться даже с закрытыми глазами: эти четыре звезды-спутницы — не кто иной, как четыре юных принца во дворце, которым суждено помогать Его Величеству в осуществлении его великих замыслов.

Но раз наставник Шао изрек такое, не означало ли это, что отныне у правителя вовсе не будет больше никаких наложниц?

В те дни, когда все жители Пекина только и делали, что шушукались по углам, обсуждая это пророчество за чашкой чая, неведомо откуда поползли новые вести.

Император собирается совершить жертвоприношение Небу.

Не прошло и нескольких дней, как дворцовые ворота распахнулись настежь, и великолепный парадный кортеж, подобно плывущим по небу благовещим облакам, чинно направился к Алтарю Солнца. Гражданские и военные чиновники всех рангов следовали за процессией, чтобы наблюдать за церемонией и совершать воскурения, и даже простой люд принялся очищаться омовениями и воскурять благовония — вся эта шумиха продолжалась целых три дня.

Едва минули три дня, как Шао Юаньцзе был пожалован титулом Истинного Человека — Владыки Чудес, а заодно удостоен звания наставника наследного престола.

Тем самым император молчаливо признал случившееся свершившимся фактом.

Старые сановники, которые еще недавно помышляли пристроить во дворец своих дочерей, растерялись и были вынуждены срочно переключиться на поиски достойных женихов.

Оставим пока в стороне речи о достижении великой гегемонии, но само значение одинокой звезды Цзывэй гласило, что всякие дальнейшие попытки императора сблизиться с женщинами лишь ускорят старение и преждевременную кончину его наложниц. Неудивительно, что в последнее время из задних покоев доносились столь странные толки.

Если впредь императору и вздумается внезапно призвать кого-то на ложе, бедняжкам останется только горько плакать.

Но с другой стороны, если поразмыслить, нынешний император действительно оказался истинным избранником небес, и эта весть словно успокоительная пилюля пришлась по вкусу целой веренице преданных слуг.

Сидя во Дворце Чяньцин, император выслушал подробный доклад Лу Бина и чуть не поперхнулся от смеха.

Порой вся эта феодальная мистика и впрямь оказывается на редкость действенной штукой.

Пожаловать этим даосам пара пустых титулов ничего не стоило, главное — следить за жалованьем, чтобы оно не было слишком щедрым.

С этих пор, стоило ему принять какое-нибудь решение, не совсем подобающее человеку той эпохи, он всегда сможет прикрыться небесными светилами — сделка более чем выгодная.

В конце концов, сочинять небылицы — это их забота, а ему остается лишь спокойно делать свои дела.

Ю Цун обмакнул кисть в тушь, вывел пару строк собственной рукой, но тут же сообразил, что умеет писать лишь упрощенными иероглифами, и без долгих раздумий подозревал Лу Бина.

Хотя в последнее время он и брался за кисть для тренировок, прогресс шел довольно медленно.

Каждый иероглиф обрастал множеством витиеватых черт, и если бы ему действительно понадобилось написать сколько-нибудь связное послание традиционным письмом, пожалуй, пришлось бы совершенствоваться еще добрых полгода.

Лу Бин стоял рядом с ним, склонившись и принимая из его рук кисть.

От него исходил едва уловимый аромат чистой воды.

Свежий и глубокий, под стать его собственному характеру.

Ю Цун украдкой вдохнул этот запах, а затем чуть подался в сторону, так что его плечо легонько коснулось опустившегося рукава собеседника.

— Ваше Величество? — Лу Бин невольно отступил на шаг, чувствуя себя немного неуютно от

столь непозволительной близости.

Ю Цун бросил на него косой взгляд и махнул рукой:

— Перепиши-ка за Меня имена всех высших чиновников Шести палат, да прибавь тех, что из Внутреннего кабинета.

Янь Ицин уже стар, Гуй Э и Чжан Цун сбились в тесный кружок и держатся вместе, к тому же в истории за ними числились пятна коррупции.

Сейчас главное — как можно скорее выдвинуть наверх несколько толковых людей, которые смогли бы ему помочь и позволили бы Цзинбу и прочим делам заработать с еще большей эффективностью.

Ван Шоужэнь и Янь Шэнь всё еще были в дороге, ждать предстояло по меньшей мере месяц, и из тех, кому он мог доверять прямо сейчас, оставался, пожалуй, только Сюй Цзе.

При этой мысли Ю Цун подпер подбородок рукой и погрузился в задумчивость.

Сюй Цзе в те времена был еще совсем молодым человеком, у него даже бороды толком не выросло.

Материал, конечно, превосходный: впоследствии он дослужился до министра Либу, сбросил Янь Суна и вышколил Чжан Цюйчжэня.

Но пока он всего лишь начальник Гоцзицзяня... Если возвысить его без всяких веских оснований, это всё равно что выставить юношу Сюя живой мишенью под град чужих стрел.

Закончив переписывать список имен, Лу Бин замер рядом, затаив дыхание, и даже звуки его дыхания стихли.

Ю Цун думал-думал, как вдруг шлепнул себя по лбу.

Цинцы!

Разве прежний хозяин тела Чжу Хоуцун в своё время силой протащил наверх целую кучу мелких чиновников именно из-за того, что те мастерски сочиняли цинцы?!

— Лу Бин, ступай немедленно, приведи ко Мне Сюй Цзе, — Ю Цун хлопнул Лу Бина по плечу, и его глаза засияли. — Скажи, что у Меня к нему дело, живо ступай и возвращайся!

Не прошло и времени, требующегося на воскурение одной палочки благовоний, как растерянного Сюй Цзе привели в залы дворца, где он с некоторой неуверенностью совершил положенный поклон.

Такие мелкие сошки низших рангов могли в лучшем случае лишь на миг разглядеть смутный

силуэт императора во время большой утренней аудиенции — разве могли они помыслить, что удостоится личного вызова к императору с глазу на глаз?

Ю Цун небрежно велел ему встать и освободить от поклонов, после чего непринужденно задал пару дежурных вопросов об учебе в Гоцзицзяне.

Поскольку он сам не слишком хорошо представлял себе устройство этого государственного учебного заведения, вопросы вышли самыми пустячными — о том, как кормят студентов и хватает ли им жалованья.

Соблюдая все предписанные ритуалы, Сюй Цзе не смел поднять глаз на священный лик и лишь сдержанно отвечал на каждый мелкий вопрос, не добавляя ни единого лишнего слова.

— Мне доводилось читать твое сочинение с императорского экзамена, оно врезалось мне в память, — Ю Цун вертел в руках фарфоровую чашку из печей Гэ, поглаживая ее гладкую поверхность пальцем. — Изложение гладкое и непринужденное, рассуждения о государственных делах глубоки и здравы, превосходная работа.

Сюй Цзе замер, испытывая странное чувство, будто всё это ему снится.

Император... император и впрямь помнит его сочинение!

Хотя казалось, что все поступающие на службу через экзамены молодые ученые — это сливки талантов со всей страны, на деле после зачисления в Гоцзицзян человеку, пожелавшему выбиться в люди и дослужиться до чинов выше третьего ранга, порой не хватало и нескольких десятков лет упорного труда.

Чиновников великое множество, но чтобы император помнил его личное сочинение — какая же это благосклонность судьбы!

— Любезный Сюй, — Ю Цун на мгновение умолкнув, мысленно подумал, что ему вновь предстает непутёвым правителем: — Я в последнее время очень увлекся даосскими учениями и спиритическими сеансами, и Мне хотелось бы поручить тебе написать для Меня текст цинци.

Цинцы?

Сюй Цзе остолбенел, и в его душе беззвучно зародилось горькое разочарование.

Он-то воображал, будто император оценил его способности и намерен привлечь к реальной государственной службе, чтобы он мог честно и преданно исполнять свой долг.

Оказывается — от него требовалось лишь сочинять подобные пышные вирфы!

Что такое эти цинци? Не хвалебные ли описи для небесных небожителей? Выбирай себе словеса понарядней да восхваляй благоденствие в Поднебесной и добродетели Сына Неба, а

потом предай всё это огню, будто ведешь беседу с самим Небом.

При этой мысли он почувствовал, будто на его сокровенные устремления вылили ушат ледяной воды, погасив весь внутренний пыл.

— Всё расслышал? — опасаясь, что тот не понял, переспросил Ю Цун. — Завтра до полудня можешь передать текст евнуху Суну у входа во Дворец Небесной Чистоты.

Сюй Цзе подавил поднявшееся внутри чувство обиды и тихо ответил:

— Ваш подданный повинуетя воле государя.

...Почему это у тебя такой вид, будто ты вовсе не рад?

Ю Цун поскреб подбородок, смутно заметив, что этот молодой талант Сюй почему-то вовсе не выглядит воодушевленным.

Будь на его месте Янь Сун, которого тайно пригласили во Дворец Небесной Чистоты, пожалуй, он бы уже к полудню принес готовый текст цинци.

Сюй Цзе без особого энтузиазма ответил еще на пару вопросов и попросил разрешения удалиться.

Государь велел подать тарелку нарезанных персиков и, уплетая их за обе щеки, принялся ломать голову над тем, что же тут не так.

Впрочем, стоило зайти речи об этом человеке по фамилии Сюй, как ему внезапно вспомнился еще один персонаж.

Угрызая сочный персик, Ю Цун подумал, что само его переселение в этот мир походит на какую-то коллекционную карточную игру.

— А-Фан, не доводилось ли тебе слышать о таком человеке по имени Сюй Вэй, по прозвищу Сюй Вэньчан?

Во всей династии Великая Мин поистине прославивших свое имя в веках великих талантов было всего трое.

Составитель Юнлэ дадань Се Цзинь, отправленный в изгнание Ян Шэнь и этот самый Сюй Вэньчан, способный и стихи с картинами слагать, и военные походы планировать.

И из этих троих эпохе правления под девизом Цзяцзин досталось сразу двое.

Истинно — воля Небес.

Лу Бин перебрал в уме имена всех людей во дворце и рассудил:

— Кажется, среди младших евнухов есть кто-то с таким именем?

Это определенно был всего лишь тезка.

В памяти Ю Цуна Сюй Вэньчан много лет сражался против японских пиратов под началом Ху Цзунсяня и, похоже, вовсе не пересекался с самим императором Цзяцзином.

А согласно законам истории, те, кто обладал столь глубокими познаниями в искусстве и литературе и при этом не делал чиновничьей карьеры, чаще всего просто не могли сдать императорские экзамены на степень цзиньши.

Но судя по талантам Сюй Вэя, сдать экзамены на степень сюэя он, пожалуй, вполне мог бы.

— Вот как... ну и ладно, — Ю Цун уткнулся лицом в стол и принялся вспоминать, откуда родом этот великий талант.

Хотя в эти времена область Хэтао всё еще находилась в руках татар, масштабные смуты среди них еще не начались, и даже если предстоит война, придется обождать лет десять.

За эти десять лет все выдающиеся умы должны вернуться в столицу и стать его верными полководцами.

Тогда возникает вопрос — экзаменационная система кого хочешь в могилу сведет.

— Эх... — император слегка разочарованно вздохнул, подумав, что знай он заранее, непременно ознакомился бы с материалом получше, а теперь и вовсе не может вспомнить, уроженцем каких мест является Сюй Вэй.

Впрочем, раз Ху Цзунсянь действовал на юго-востоке, то и сам он, скорее всего, крутился где-то в районе провинции Фуцзянь, ведь у него не было причин добираться из глухой провинции аж на юго-восток.

При этой мысли Ю Цун потер нос, чувствуя легкую усталость.

Рис едят по ложке, а дела делают по очереди.

— Ваше Величество устали? — Лу Бин, проведя с ним немало времени, теперь уже куда меньше стеснялся. — Не прогуляться ли нам?

Евнух Хуан, поджидавший за ширмой, почуял подходящий момент и почтительно произнес:

— Ваше Величество, министр Чжао просит о аудиенции.

— А? Скорее позовите его сюда.

Министр Чжао уже изрядно прождал в боковой комнате, прежде чем его наконец удостоили приглашения в залы.

Император, видимо, слишком долго просидел на троне, так что он сразу пересел в гостевое кресло, жестом предложив садиться рядом с ним.

Чжао Хуан опешил, приятно пораженный столь просторным отношением, и, лишь трижды поблагодарив, с опаской извлек из рукава аккуратно упакованный свиток.

— Выходит, рукава у вас, людей древности, и вправду карманы Дораэмона? — подумалось Ю Цуну.

Приняв свиток, Ю Цун с любопытством спросил:

— Что это?

— Проект городского рынка, — почтительно ответил Чжао Хуан. — Позвольте узнать, Его Величество сам дарует ему имя, или же вашему покорному слуге обратиться в Либу, чтобы там подобрали название?

— Не нужно, Я сам.

Ю Цун не спеша развернул свиток и слегка дрогнул рукой.

Тамошние ремесленники по уровню знаний и умений годились на то, чтобы каждого из них отправить в Британский королевский технологический институт на должность доктора наук.

Хотя рисунок тушью был выполнен крайне тщательно, общий масштаб поражал размахом и величием.

В самом центре квадратного участка красовался большой круг, усыпанный, словно кунжутными зернами, точками — торговыми рядами, устроенными для удобства всякого мелкого рыночного люда.

Каждый из них мог свободно занять любой круглый помост и выставить на нем свои товары.

На северо-востоке и юго-западе располагались два воинских караула: они предназначались для сменных дежурств дворцовой стражи, чьи два отряда должны были совершать регулярные обходы и поддерживать порядок в повседневной торговле.

На восточной и западной сторонах возвышались два многоэтажных здания, таблички на которых пока оставались пустыми.

— Это что такое? — Ю Цун указал на трех- или четырехэтажные строения и с любопытством спросил: — Министр Чжао придумал?

— Ваш слуга подумал, что раз снующим сюда торговцам приходится преодолевать немалые

расстояния, им неизбежно понадобятся еда, питье и ночлег, почему бы не учредить две постоянные дворы-таверны, где они могли бы остановиться и отдохнуть? — Чжао Хуан опасливо проследил за выражением лица Ю Цуна и добавил: — Что до арендной платы и торговых сборов, разумеется, всецело полагаемся на решение Вашего Величества.

А ты неплох, раз додумался даже до концепции рыночной конкуренции.

Исполнившись радости, Ю Цун похлопал министра Чжао по плечу:

— Наградить! Пожаловать веер из благовонного шелка и одеяние с узором в виде рыбьей чешуи!

Дежуривший неподалеку евнух Хуан поспешно откликнулся и побежал заносить дары.

Его собственная золотая казна целиком шла на обустройство этих новых общественных мест, и вместо того, чтобы осыпать столь достойного чиновника золотыми слитками или серебряными пластинами, лучше пожаловать вещи повседневного обихода — подобные знаки внимания лишь укрепят преданность сановников.

Это был способ показать им, что они — свои люди.

Чжао Хуан поначалу еще сохранял самообладание, но услышав о пожаловании одежды с рыбьей чешуей, невольно бросил взгляд на стоявшего вдали Лу Бина с мечом наготове.

Во всем дворце людей, удостоенных пожалования одеяний с рыбьей чешуей, можно было по пальцам пересчитать.

Господин Лу — детские годы провел рядом с императором, и в столь юные годы удостоился столь беспримерной милости... кто бы мог подумать, что и его собственный день настанет!

— Обязательно запомни: управлять этими двумя тавернами должны непременно два совершенно не связанных между собой человека, — наставлял Ю Цун. — Ни среди уличных торговцев, ни внутри этих харчевен ни в коем случае не должно возникнуть ситуации, когда кто-то один подминает всё под себя.

— Ваш слуга отберет надежных людей для надзора, и уж точно не посрамит высочайшей милости! — твердо произнес Чжао Хуан. — Ваше Величество, эскиз столичной канализационной системы также уже набросан, не соизволите ли взглянуть мельком?

Ю Цун подумал и ответил:

— Покажи.

Он внезапно вспомнил: раньше Лу Бин рассказывал ему, что дренажные и канализационные трубы в окрестностях Хуанхэ изготавливались из обожженной глины и соединялись между собой.

Столица со столь масштабной застройкой, разумеется, могла позволить себе расходы на обычную керамику, но если возникнет желание улучшить условия жизни простого народа по всей стране, непременно потребуются кое-что еще.

Каучук.

В технологии изготовления пластмасс он не смыслил ничего, но вот такое вещество, как каучук, подобно битуму, вполне поддавалось практическому использованию и широкому внедрению еще в средневековую эпоху.

Народ на юго-западе издавна отличался суровым нравом, и во многом причиной тому была бедность.

Люди идут на бунт лишь тогда, когда им нечего есть и нечего носить.

Если удастся отыскать дикие каучуковые деревья где-нибудь в окрестностях Сишуанбаньна, а затем придумать, как наладить их разведение и культивацию, это сможет подтолкнуть развитие всей страны.

Глядя на то, как Чжао Хуан разворачивает генеральный план городской канализации Пекина, Ю Цун внезапно произнес:

— Господин Чжао.

— Ваш слуга здесь, — Чжао Хуан поднял голову, и его глаза засияли преданным блеском, точно у хаски.

Каждый раз, когда император обращался к нему подобным образом, у него рождались самые неожиданные замыслы, но всякий раз создаваемые им диковинки оказывались на благо государства и народа.

Неудивительно, что наставник Тао утверждал, будто Его Величество — ниспосланное в мир воплощение звезды Цзывэй, и сам он воистину посчастливилось застать столь благодатные времена.

— Читая некогда разрозненные книги, Я слышал, будто на юго-западе водится диковинное дерево, — искусство не моргнув глазом говорить неправду у Ю Цуна оттачивалось с каждым днем, и речь его звучала всё так же гладко: — Если надрезать кору такого дерева, из нее потечет молочно-белая жидкость, и этот белый сок после переработки способен превратиться в материал — одновременно гибкий и прочный...

Погодите-ка...

<http://bllate.org/book/20063/1984650>